

София Хуцишвили (Грузия)

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Слова разных языков, имеющие сходный внешний (звуковой и / или графический) облик и разное значение, с давних пор привлекали внимание лингвистов. Но по-настоящему системное изучение подобных межъязыковых соответствий началось лишь в 1928 году с работы М. Кесслера и Ж. Дерконьи [Koessler и др. 1928].

В современной лингвистике подобную лексику рассматривают как особую системную категорию, для названия которой, однако, используются различные термины: “ложные друзья переводчика” [Гальперин 1970: 129-136; Будагов 1974: 141-146]; “межъязыковые омонимы” [Заславская 1992: 23-25]; “обманчивые межъязыковые сходства” [Гросбарт 1962: 452–453]; “межъязыковые паронимы” [Балалыкина 1991; Бельчиков 1990: 368]; “межъязыковые синонимы” [Уилер 1977: 52–53]; “межъязыковые полисемы” [Борисенко 1990]; “ложные или неполные лексические параллели” [Дубичинский 1992: 25-29]; “ложные эквиваленты” [Федоров 1968: 167–169]; “гетеронимы” [Конецкая 1961: 25; Селиванов 1976: 118]; “ложные когнаты” [Ладо 1989]; “псевдоинтернационализмы” [Коломиец 1976: 10] и др. Множество терминов свидетельствует о сложности данного явления и о необходимости использования таких лингвистических методов, которые позволили бы избежать неоднозначности в интерпретации этой категории слов и систематизировать существующую терминологическую базу.

Актуальность исследования, обзор которого приведен в настоящей статье, определяется недостаточной изученностью проблемы межъязыковых соответствий омонимичного характера в близкородственных языках, в том числе и как механизма, запускающего словообразование и изменение семантики слов.

Проблема языковой интерференции, вызываемой межъязыковой омонимией и сходными явлениями, возникает вместе с “глобализацией” коммуникации, когда элементы разных языковых систем, до этого абсолютно независимые друг от друга, вступают между собой в подобие системных отношений [Акуленко и др. 1969: 376]. Необходимость разработки методов для предотвращения лексической интерференции, вызываемой межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, в повседневной коммуникации, СМИ, переводах научных и художест-

венных текстов приобретает все большую актуальность, отчасти в связи с тем, что в начале XXI века воспитание чистого (несмешанного) двуязычия обозначилось как одно из ведущих направлений образовательной политики европейских стран [Блумфилд 1968; Вайнрайх 1979; Баранникова 1972 и др.].

Новизна исследования определяется изучением межъязыковой омонимии и смежных явлений параллельно на материале нескольких близкородственных языков, для чего мы отобрали межъязыковые соответствия омонимичного характера (то есть слова, соотносимые в плане выражения (ПВ) в одной или нескольких соответствующих друг другу словоформах и несовпадающие в плане содержания (ПС), относящиеся к одной знаменательной части речи) из 14 славянских языков (русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский, чешский, словацкий, польский, кашубский, верхнелужицкий и нижнелужицкий).

Основой для исследования стал сбор и анализ терминов, используемых для наименования этой категории слов в современной лингвистике. Мы не будем здесь приводить анализ всех терминов, отметим среди них лишь два наиболее часто встречающиеся и противопоставляемые друг другу – это “ложные друзья переводчика” и “межъязыковые омонимы”.

“Ложные друзья переводчика”, несмотря на их популярность, мы считаем, являются скорее квазитермином, то есть образным наименованием, объединяющим всевозможные типы соотношений лексических единиц сопоставляемых языков, способных вызывать интерференционные нарушения вследствие ложных ассоциаций друг с другом [Акуленко и др. 1969: 380; Кочерган 1991: 104]. Вместо него, в качестве обобщающего названия для подобной лексики, мы предлагаем использовать словосочетание “межъязыковые соответствия омонимичного характера”.

Более приемлемым представляется термин “межъязыковые омонимы”, но его употребление по отношению к различным явлениям [Заславская 1992: 23-25; Федорчук 2001; Супрун 1958: 36–38; Будагов 1975: 141–146], несомненно, затрудняет исследовательскую работу, которая подразумевает сотрудничество лингвистов разных стран. Поэтому для того, чтобы избежать путаницы в терминах и понятиях, нам потребовалось выстроить строгую таксономию всех межъязыковых соответствий омонимичного характера. Результаты классификации по их соотношению в ПВ и ПС продиктовали необходимость отмежевать межъязыковую омонимию от сходных явлений (межъязыковой паронимии и межъязыковой квазисинонимии) и описать критерии их разграничения.

Всю лексику сопоставляемых языков по соотношению в ПВ и ПС мы для наглядности разбили следующим образом (см. таблицу ниже).

Классификация лексики сопоставляемых языков по соотношению в ПВ и ПС

1. ВСЯ ЛЕКСИКА								
2. Сходная в ПВ			3. Частично сходная в ПВ			4. Несходная в ПВ		
5. Сходная в ПС	6. <i>Частично сходная в ПС</i>	7. <i>Несходная в ПС</i>	8. Сходная в ПС	9. <i>Частично сходная в ПС</i>	10. <i>Несходная в ПС</i>	11. Сходная в ПС	12. Частично сходная в ПС	13. Несходная в ПС

Межъязыковые соответствия омонимичного характера охватывают лексику, соответствующую ячейкам таблицы с номерами 6, 7, 9, 10: межъязыковые квазисинонимы – 6, межъязыковые омонимы – 7, межъязыковые паронимы – 9 и 10.

При анализе межъязыковых омонимов исследователи часто опираются на определение внутриязыковых омонимов как одинаково пишущихся и звучащих слов, у которых нет общих семантических признаков. Также по аналогии с внутриязыковой омонимией выделяют фонетико-графические (русс. *краска* ‘1) вещество для окраски, 2) цвет’ и болг. *краска* ‘цветок’, бел. *краска* ‘цветок’, чеш. *kráska* ‘красавица’, словац. *kráska* ‘красавица’, польск. *kraska* ‘обыкновенная сизоворонка’), фонетические (русс. *кружка* ‘чашка’, болг. *крушка* ‘1) груша, 2) лампочка’ – слова произносятся одинаково благодаря позиционному изменению в русском слове согласного ‘ж’ перед глухим согласным и совпадению с ‘ш’ в болгарском слове) и графические межъязыковые омонимы (укр. *година* ‘1) час, 2) (поэт.) время’ и болг. *година* ‘год’, хорв. *godina* ‘год’, чеш. *godina* ‘год’ – разница в различном произношении буквы ‘г’).

Традиционное выделение фонетико-графических, фонетических и графических омонимов представляется нам довольно условным, так как в подавляющем большинстве случаев невозможно говорить о графическом и / или фонетическом тождестве. Следовательно, типология межъязыковых омонимов с точки зрения их внешней структуры не должна основываться только на базе принципа аналогии с внутриязыковой омонимией. Если анализ внутриязыковых омонимов в ПВ предполагает определение их фонетического и / или графического тождества, то для межъязыковых омонимов, в связи с необходимостью учитывать нюансы как устной, так и письменной речи различных славянских языков, понятие “тождество” в вышеприведенной формуле следует заменить понятием “соответствие”.

Введение формального критерия, основанного на принципе формального соответствия и заключающегося в том, что лексеме, принадлежащей системе одного языка, можно считать формально соответствующей лексеме другого языка, если форма выражения (фонетическая и / или графическая), в которой данная лексема выступает в одном языке, соответствует форме, в которой ее следовало бы выразить в другом языке в случае единичного употребления в речи, транслитерации или заимствования, позволило расширить пределы формального сходства и включить в сферу межъязыковых омонимов и межъязыковых квазисинонимов слова с формальными закономерными и регулярными расхождениями, например: русск. *закон* '1) нормативный акт, 2) объективная связь между явлениями' и польск. *zakon* 'орден'; польск. *slowo* 'слово' и хорв. *slowo* 'буква'; болг. *ципка* '1) кий (бильярдный); 2) лыжная палка' и русск. *щека* 'часть лица', русск. *сторона* '1) место, 2) край, 3) бок', польск. *strona* 'сторона', словац. *strana*¹ 'сторона', *strana*² 'страница', *strana*³ 'политическая партия', словен. *stran*¹ 'сторона', *stran*² 'страница' и др.

Таким образом, граница между межъязыковыми омонимами (а также квазисинонимами) и межъязыковыми паронимами связана с принципом формального соответствия, который базируется на системных отношениях рассматриваемых языков и на понятии межъязыковой регулярности. Регулярные расхождения в ПВ лексики родственных языков обусловлены историей их развития, их характерной чертой является системный характер, а также "предсказуемость" и частотность [Червенкова 1982: 138], в силу чего они могут быть описаны существующими правилами. Это объясняет, почему на практике регулярные формальные расхождения слов не воспринимаются билингвами как релевантные.

Формальные различия межъязыковых паронимов, напротив, нельзя объяснить существующими правилами. Отбор межъязыковых паронимов в значительной степени зависит от интуиции исследователя, например: польск. *potrawa* 'блюдо, кушанье' и русск. *отрава* '1) ядовитое вещество, яд, 2) неприятные на вкус или вредные для здоровья напитки, пища'; русск. *арбуз* 'растение семейства тыквенных и его плод' и укр. *гарбуз* 'тыква'; польск. *czerveniec* 'июнь' и чеш. *červenec* 'июль'; польск. *najeżdźca* 'захватчик' и русск. *наездник* '1) объездчик, 2) всадник'. Поэтому дальнейшая разработка проблемы межъязыковых соответствий омонимичного характера должна быть связана с определением формальных границ в ПВ для межъязыковых паронимов, что предполагает проведение ассоциативных экспериментов с последующим выделением ядра ассоциативного поля. Результаты анализа наиболее частот-

ных реакций представителей определенного двуязычного коллектива на предложенные слова-стимулы помогут установить, какие формальные расхождения являются существенными для билингвов, а какие нет.

Подавляющее большинство межъязыковых омонимов соответствует друг другу лишь в некоторых словоформах. Чаще всего такой сходной в ПВ оказывается начальная форма, что связано с различиями в системах словоизменения сопоставляемых языков. Однако это не исключает возможности существования в близкородственных славянских языках слов с одинаковой грамматической парадигмой, например, русск. *кит* ‘морское млекопитающее’ и укр. *кіт* ‘кот’.

В большинстве случаев в роли межъязыковых соответствий омонимичного характера выступают не единичные слова, а все представители соответствующих словообразовательных гнезд, так как производные слова часто сохраняют омонимичные отношения производящих основ. Например: словац. *mylit'* ‘1) сбивать, вводить в заблуждение, 2) совершать ошибки’ и русск. *мыть* ‘1) натирать мылом, мыть мыльной пеной, 2) растворять в жидкости мыло’, словац. *mylnэ* ‘ошибочный’ и русск. *мыльный* ‘1) соотносящийся по значению с существительным *мыло*, 2) свойственный мылу, 3) содержащий в себе мыло’; польск. *pozorny* ‘мнимый, кажущийся’, словац. *pozornэ* ‘внимательный’, русск. *позорный* ‘1) постыдный, навлекающий позор, бесчестье, 2) крайне неудачный, плохой, вызывающий насмешку, пренебрежение’, польск. *pozur* ‘видимость, подобие’ и словац. *pozor* ‘внимание’, русск. *позор* ‘1) бесчестье, постыдное для кого-нибудь или чего-нибудь положение, 2) (устар.) то же, что *позорище* в 1 значении – зрелище’.

Анализ формальных отношений позволил выделить различные комбинации соотношений межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ, которые можно “выстроить” в виде своеобразной градации: от соответствий, представляющих собой максимальное сходство (омонимы и квазисинонимы), до соответствий, которые представляют собой весьма отдаленное сходство (паронимы).

Для того чтобы наглядно продемонстрировать допустимые пределы варьирования в ПВ славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера в системе знаменательных частей речи, в работе предлагается следующая формальная классификация:

1) слова полностью совпадают формально (графически и фонетически): польск. *sad* ‘фруктовый сад’ и чеш. *sad* ‘огород’; русск. *вершки* ‘верхняя часть каких-либо растений’ и укр. *вершки* ‘сметана’;

2) регулярные расхождения связаны с различными алфавитами (латиница, кириллица): болг. *краска* ‘цветок’ и польск. *kraska* ‘обычно-

венная сизоворонка'; чеш. *kekš* 'галета, сухое печенье' и бел. *кекс* 'сдобная выпечка';

3) регулярные расхождения связаны с различиями в вариантах одного алфавита:

а) омонимия одинаковых знаков алфавита (один символ или сочетание символов в разных языках означает разные звуки): русск. *листопад*¹ 'опадание листьев' и укр. *листопад*² 'ноябрь'; укр. *година* '1) час, 2) (поэт.) время' и болг. *година* 'год';

б) разное графическое выражение тождественных / сходных звуков (один звук-фонема обозначается разными символами): макед. *мајка* '1) мама, 2) самка, особь женского пола (о животных)' и болг. *майка*² 'гайка', русск. *майка* 'трикотажная рубашка без воротника';

4) регулярные расхождения связаны с характером ударения (позиция и тип) в разных славянских языках: русск. *завод* 'фабрика' и польск. *zawud*¹ 'занятие, профессия, ремесло', *zawud*² 'разочарование, досада', чеш. *závod*¹ 'дискуссия, спор', *závod*² 'завод, цехи';

5) регулярные расхождения связаны с различными принципами орфоэпии, то есть с различными позиционными изменениями фонем в разных славянских языках, не отражающимися на письме (редуцирование гласных / согласных, ассимиляция согласных, палатализация или ее отсутствие и др.): *коръца* '1) корочка, кожица; 2) обложка, переплёт (книги)' и русск. *корица* 'кора коричневого дерева'; русск. *пора* 'время' и болг. *пара* 'монетка';

6) регулярные расхождения связаны с различными принципами орфографии: русск. *эссенция* 'вытяжка, экстракт' и польск. *esencja*¹ 'эссенция', *esencja*² 'чайная заварка'; болг. *разсол* '1) кислая капуста, 2) рассол' и русск. *рассол* 'раствор соли (обычно с пряностями для засолки, квашения)';

7) регулярные расхождения связаны с различным фонетическим оформлением формантов или с различными регулярно соответствующими данной форме формантами: русск. *наглый* 'нахальный, дерзкий', бел. *наглы* 'внезапный', укр. *наглий*¹ 'внезапный', *наглий*² 'нахальный, дерзкий', словен. *náhly*¹ 'внезапный', *náhly*² 'резкий, поспешный', польск. *pagły* 'внезапный', чеш. *náhlě* 'внезапный'; русск. *играть* 'заниматься чем-либо для удовольствия или развлечения: 1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть на музыкальных инструментах' и макед. *игра* '1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть на музыкальных инструментах, 4) танцевать, плясать', бел. *іграць* '1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть на музыкальных инструментах, 4) танцевать, плясать', хорв. *igrati* 'играть в игру';

8) регулярные расхождения связаны с историческими чередованиями гласных / согласных в основе: русск. *сторона* ‘1) место, 2) край, 3) бок’, укр. *сторона* ‘1) место, 2) край, 3) бок’, польск. *strona* ‘сторона’, кашуб. *strona* ‘сторона’ и чеш. *strana*¹ ‘сторона’, *strana*² ‘страница’, *strana*³ ‘политическая партия’, словац. *strana*¹ ‘сторона’, *strana*² ‘страница’, *strana*³ ‘политическая партия’, словен. *stran*¹ ‘сторона’, *stran*² ‘страница’;

9) слова, включающие несколько вышеназванных регулярных расхождений: польск. *oddány* ‘1) преданный, 2) поглощенный’ и русск. *утданный* ‘переданный, врученный, возвращенный’ (в приведенном примере слова различаются ударением, написанием и формантом); чеш. *rosol* ‘желе’ и бел. *расол* ‘рассол’ (разные алфавиты, ударение, разное написание первого слога);

10) слова, включающие нерегулярные расхождения (одно или несколько): чеш. *veselka* (разг.) ‘свадьба’, бел. *вясёлка* ‘радуга’, польск. *wesele* ‘свадьба’, русск. *веселье* ‘радость’; болг. *америкѝн* ‘бязь (ткань)’ и русск. *американец* ‘житель США’;

11) слова, включающие регулярные и нерегулярные расхождения: русск. *годный* ‘подходящий’, польск. *zgodny* ‘1) соответствующий, 2) дружный, 3) единодушный, 4) покладистый’.

К межъязыковым омонимам и квазисинонимам мы относим слова с формальными отношениями, описанными в пунктах 1–9. Соответственно, слова с нерегулярными формальными расхождениями в пунктах 10–11 относим к межъязыковым паронимам. Данная классификация наглядно демонстрирует допустимые пределы формального варьирования межъязыковых омонимов и квазисинонимов относительно межъязыковых паронимов.

Анализ межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПС позволил ввести семантический критерий для определения границ между межъязыковыми омонимами и межъязыковыми квазисинонимами с одной стороны, а также между межъязыковыми соответствиями омонимичного характера и межъязыковыми синонимами сходного вида (межъязыковые соответствия с отношениями семантического “тождества”) с другой стороны. В ПС межъязыковые соответствия омонимичного характера могут находиться как в отношениях исключения (межъязыковые омонимы и часть межъязыковых паронимов, несходных в ПС), так и в отношениях включения и пересечения (межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы).

Межъязыковые соответствия с семантическими отношениями исключения в близкородственных славянских языках обычно являются ре-

зультатом совпадения этимологически разных слов, например: польск. *krawat, krawatka* ‘галстук’ (от франц. *cravate* ‘галстук’ из хорв. слова *hrvat* ‘хорват’) и русск. *кровать, кровать* ‘предмет мебели для сна’ (из греч. *krabbatio*); болг. *бакъл* ‘бакалейщик’ (восходит к араб. *baql* ‘травы, овощи’, ср. тур. *bakkal* ‘продавец, торговец продуктами питания’) и русск. *бокал* ‘чаша на ножке для напитков’ (из франц. < итал. *boccale* < греч. *baukalis* ‘сосуд’).

Межъязыковые соответствия омонимичного характера с семантическими отношениями исключения, возникшие в результате расхождения значений от общего этимона, в славянских языках встречаются значительно реже и часто сохраняют следы прежнего родства, например, принадлежность к одному семантическому полю: русск. *жалоба* ‘сетование на кого-либо, что-либо’ и укр. *жалоба* ‘траур’; русск. *овощи* ‘огородные плоды и зелень’ и чеш. *ovoce* ‘фрукты’, польск. *owoce* ‘фрукты’; русск. *праздновать* ‘отмечать’ и польск. *proznwac* ‘бездельничать’.

В славянских языках иногда встречаются слова, восходящие к одному этимону, значения которых разошлись практически до выражения противоположных (антонимических) понятий (межъязыковая энантиосемия). Например, одна из самых знаменитых пар энантиосем русск. *уродливый* ‘очень некрасивый’ и польск. *urodziwy* ‘красивый’ образовалась благодаря совпадению приставок со значением ‘не-’ и ‘вверх, воз-’ в *-у- (омонимия приставок), соответственно в русск. *урод* ‘некрасивый человек’, а в польск. *uroda* ‘красота’. Подобные антонимические различия генетических коррелятов свидетельствуют о глубоких изменениях, которым подверглись некогда тождественные слова в процессе исторического развития лексических систем славянских языков, и представляют особый интерес для славистов, так как они наиболее ярко иллюстрируют процессы, приводящие к изменению и расхождению лексических систем близкородственных языков.

Межъязыковые соответствия с семантическими отношениями включения и пересечения (межъязыковые квазисинонимы и часть межъязыковых паронимов) составляют наибольшую по количеству группу.

Как показывают наблюдения, семантические отношения включения могут возникать в нескольких случаях, когда: *а) слова неравнозначны по числу лексико-семантических вариантов и переносных значений* (русск. *цена* ‘стоимость’ и словац. *cena* ‘1) цена, 2) премия, 3) приз’); *б) значение лексемы в одном языке шире, чем в другом* (чеш. *rodic* ‘один из родителей’ и бел. *rodzic* ‘родственник’. русск. *родич, родичи* (разг.) ‘1) члены рода, 2) родственники, 3) родители’); *в) в одном языке значение видовое, в другом – родовое* (чеш. *kapusta* ‘саvoyская

капуста' и бел. *капушта* 'капуста'); 2) **в одном языке слово означает целое, в другой часть** (русс. *неделя* 'календарная единица времени равная 7 дням' и словац. *nedeľa* 'воскресенье', бел. *нядзеля* 'воскресенье', польск. *niedziela* 'воскресенье', болг. *неделя* 'воскресенье', а также чеш. *neděle* '1) неделя, 2) воскресенье').

Отношения семантического пересечения наблюдаются в тех случаях, когда значения сопоставляемых слов как бы накладываются одно на другое, но при этом у каждого из них остается несовпадающая семантическая часть, например: болг. *квас* '1) квас, 2) дрожжи, 3) закваска' и польск. *kwas* '1) кислота, 2) квас'; болг. *срок* '1) промежуток времени, 2) школьная четверть' и русск. *срок* '1) промежуток времени, 2) тюремное заключение определенной продолжительности'.

Отдельно следует отметить различия межъязыковых квазисинонимов и паронимов, заключающиеся в разной последовательности ЛСВ в семантической структуре многозначных слов, например: польск. *parter* '1) первый этаж, 2) партер' и русск. *партер* '1) нижний этаж зрительного зала с местами для зрителей, 2) (спец.) плоская открытая часть сада, парка с газонами, цветниками'; болг. *тормуз* '1) гнет, угнетение (моральное), 2) тормоз, помеха, препятствие' и русск. *тормоз* '1) устройство для снижения скорости движения или остановки, 2) (перен.) то, что задерживает движение, развитие чего-либо'.

Помимо собственно семантических различий, между межъязыковыми соответствиями омонимичного характера могут существовать и более сложные отношения в тех случаях, когда на смысловые несоответствия наслаиваются всякого рода стилистические и функциональные расхождения. Например: польск. *skarba* 'сокровище' и русск. *скарб* (разг.) 'пожитки, имущество, домашние вещи'; болг. *лоб* (редк.) '1) темя, 2) лоб' и русск. *лоб* 'верхняя часть лица'; болг. *сарай* '(устар.) дворец, палаты' и русск. *сарай* '1) крытое хозяйственное помещение, 2) (перен. разг.) некрасивое здание, 3) (перен. разг.) большая, неуютная комната'; болг. *мизънец* (диал.) '1) последний (последний ребенок в семье – мальчик), 2) мизинец, палец' и русск. *мизинец* 'пятый, самый маленький палец на руке, на ноге'; словац. *nevestka, neviestka* (груб.) '1) содержанка, 2) публичная женщина' и русск. *невестка* 'замужняя женщина по отношению к родным ее мужа'.

Стилистические и функциональные расхождения также могут быть основным элементом, различающим слова разных славянских языков в ПС: чеш. (разг.) *kvartér* 'квартира' и бел. *кватэра* 'квартира'; русск. *окорок* 'часть туши' и укр. *укорок* (редк.) 'окорок'; рус. *землеруб* (устар.) 'то же, что земледелец' и укр. *землеруб* (нейт.) 'земледелец'; чеш. *stolař*

(обл.) ‘столяр’ и бел. *сталяр* ‘столяр’; русск. *малевать* (разг. пренебреж.) ‘раскрашивать, рисовать красками (обычно неумело, небрежно)’ и укр. *малювати* (нейт.) ‘рисовать’. Необходимость отнесения к межъязыковым соответствиям омонимичного характера слов с подобными “незначительными” различиями мы объясняем тем, что для сопоставления смыслов не менее важны прагматические, стилистические и коннотативные элементы значения, так как при их несовпадении становится невозможной замена одного слова другим в устной или письменной речи. Практическая ценность изучения такой маркированной лексики близкородственных языков несомненна – знание такой лексики необходимо для успешного понимания современной художественной литературы и кинематографии, публицистических текстов СМИ, а также для переводческой деятельности.

В зависимости от происхождения межъязыковые соответствия омонимичного характера можно разделить на закономерные, то есть обусловленные последовательными изменениями в семантике и форме генетически родственных слов (когнаты), и случайные, возникшие в результате совпадений форм разных по происхождению слов (псевдокогнаты). Количество и роль возможных источников образования межъязыковых соответствий омонимичного характера для каждой конкретной пары языков различны и определяются их генетическими и историческими связями. В славянских языках удельный вес когнатов значительно выше, и это подтверждает проведенный в работе анализ-классификация по происхождению.

Славянские межъязыковые соответствия омонимичного характера, восходящие к общему этимону, могут также возникать в процессе заимствования в результате частичной или полной транссемантизации. Например, в вост.-слав. языки из польск. было заимствовано слово *bydło* ‘крупный рогатый скот’, и в результате транссемантизации сегодня мы имеем в бел. *быдла* ‘1) скот, 2) скот, скотина; скоты’, в укр. *бидло* ‘1) скот, 2) скот, скотина; скоты’, в русск. *быдло*, *быдла* (обл., бран.) ‘чаще собирательное о тупых, безвольных людях, покорных насилию’. В чеш. *bydlo* означает ‘жилище, местопребывание’, в.-луж. *bydo* ‘квартира’, *bydło* ‘дом, жилище’, н.-луж. *bydo* ‘квартира’, *bydło* ‘дом, жилище’.

Среди славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера часто встречаются когнаты-заимствования из европейских языков, расхождение значений которых в одних случаях связано с транссемантизацией, в других – с параллельным развитием значений у заимствованных слов на почве разных языков или с заимствованием этимологически родственных слов через разные источники. Например,

в чеш. *sardelka* ‘сардинка, анчоус’, в бел. *сардэлька* ‘сарделька’, зато в укр. *сарделька*¹ ‘сардина, сардинка’ и *сарделька*² ‘сарделька’, в русск. *сарделька* ‘толстая короткая сосиска’. Это слово попало в русский язык в XVIII веке через польский и восходит к лат. *sardina* ‘сардинская рыба, рыба, водящаяся у берегов Сардинии’. Русск. *сардина* – это заимствование из французского, в котором *sardine* также восходит к лат. *sardina*. Таким образом, лат. *sardina* стало источником названий для двух различных денотатов.

Среди когнатов в сфере межъязыковых соответствий омонимичного характера отдельно следует отметить интернационализмы (в том числе термины), которые могут стать причиной серьезных переводческих ошибок и недоразумений, существенно затрудняющих процесс коммуникации. Например, русск. *криминал* (разг.) ‘криминальное дело, уголовное преступление, уголовщина’, чеш. (разг.) *kriminal* ‘тюрьма, заключение’, бел. *крымінал* (нейт.) ‘поступок, преследуемый по закону’, укр. *кримінал* ‘1) (разг.) криминал, уголовщина, 2) (обл. устар.) тюрьма’ происходит от нов.-лат. образования (конец XVIII в.) из лат. *criminalis*, *crimen* ‘обвинение, преступление, вина’.

Среди псевдокогнатов можно выделить три группы: а) псевдокогнаты, возникшие в результате совпадения слов славянского происхождения (русск. *мех*¹ ‘1) волосяной покров животного, 2) выделанная шкура пушного зверя, 3) (разг.) изделия из таких шкур’, *мех*² ‘мешок из шкуры животного для хранения и перевозки жидкостей, бурдюк’, *мех*³ ‘приспособление для нагнетания воздуха’, *мех*⁴ ‘светонепроницаемая часть фотографической камеры’ и бел. *мех* ‘мешок’ происходят от праславянского слова с индоевропейской основой, первоначально означавшего ‘шкура животного’, впоследствии, поскольку шкуры животного использовались для изготовления всевозможных предметов, значение расширилось до ‘вместилище разного рода’, а чеш. *tech* ‘мох’, польск. *tech* ‘мох’ восходят к другой праславянской основе, родственной лит. *musos* ‘плесень’, д.-в.-н. *mos* ‘мох, болото’); б) псевдокогнаты, возникшие в результате совпадения слов неславянского происхождения (чеш. *buchta* ‘булочка’, словац. *buchta* ‘пышка, сдобная булочка с начинкой’ от славянской экспрессивной основы *buch* и бел. *бухта* ‘залив’, русск. *бухта*¹ ‘небольшой залив’, *бухта*² ‘уложенный трос, канат или шланг’, укр. *бухта*¹ ‘залив’, *бухта*² ‘канат’ из нем. *Bucht* ‘залив’); в) псевдокогнаты, возникшие в результате совпадения слов славянского и неславянского происхождения (русск. *байка*¹ ‘мягкая ворсистая ткань’, польск. *bajka*¹ ‘мягкая ворсистая ткань’ вероятно заимствовано через голл. *baai* из франц. *baie* ‘шерстяная материя’, а русск. *байка*² (разг.) ‘короткий занимательный рассказ’, сло-

вац. *bajka* ‘басня’, польск. *bajka*² ‘короткий занимательный рассказ’ от общеславянской основы со значением ‘говорить, болтать, беседовать’).

Созвучие всех псевдокогнатов имеет чисто случайный характер, при этом следует подчеркнуть, что фонетические изменения закономерны и “случаен не сам факт фонетических изменений, а сам характер их результатов” [Малаховский 1990: 120].

Проведенный анализ и классификация по соотношению в ПВ, ПС и по происхождению славянских лексических межъязыковых соответствий омонимичного характера позволяют уточнить следующие определения.

Лексические межъязыковые соответствия омонимичного характера объединяют слова двух и более языков в один и тот же период их существования, относящиеся к одной части речи, которые соответствуют друг другу в ПВ до степени отождествления во всех или нескольких грамматических формах и в разной степени не соответствуют в ПС. По степени соотношения в ПВ и ПС среди них мы выделяем межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы и межъязыковые квазисинонимы.

Лексические межъязыковые омонимы – это когнаты и псевдокогнаты, соответствующие друг другу в ПВ с учетом приведенного выше принципа формального соответствия во всех или некоторых грамматических формах, с отношениями семантического исключения в ПС. Как с точки зрения формы (в ПВ), так и семантики (в ПС) межъязыковые омонимы славянских языков представляют собой явление градуального порядка. Наличие периферийных областей в сфере межъязыковой омонимии может быть обусловлено: 1) степенью сходства в ПВ и 2) степенью различия в ПС. В ПВ межъязыковые омонимы (в зонах удаленных от ядра) могут сближаться с межъязыковыми паронимами, а в ПС – с межъязыковыми квазисинонимами.

Межъязыковые омонимы, также как и внутриязыковые, находятся в отношениях формального сходства – звукового и / или графического, но “формальное тождество” в определении внутриязыковых омонимов для межъязыковых омонимов потребовалось заменить понятием “формальное соответствие”, что объясняется регулярными фонетическими, графическими и морфологическими расхождениями слов сопоставляемых языков. В ПС межъязыковые и внутриязыковые омонимы находятся в семантических отношениях исключения, но своеобразие славянских межъязыковых омонимов в ПС заключается в том, что большинство из них, восходя к общему этимону, несмотря на семантические различия, сохраняет некую смысловую общность.

Межъязыковые паронимы, как особая категория, отличная от других видов межъязыковых соответствий омонимичного характера, выделяются в связи с тем, что их расхождения в ПВ не связаны с регулярными формальными различиями между рассматриваемыми языками. В ПС межъязыковые паронимы объединяют разнообразные типы семантических расхождений: от отношений, характерных для межъязыковых омонимов (исключение), до отношений, характерных для межъязыковых квазисинонимов (включение, пересечение).

Межъязыковые квазисинонимы – слова, соответствующие с учетом принципа формального соответствия в ПВ (в этом они схожи с межъязыковыми омонимами), с семантическими отношениями включения и пересечения, в том числе и слова, различающиеся только функционально-стилистическими оттенками, сферой и частотностью употребления. Выделение межъязыковых квазисинонимов как особой категории, отличной от межъязыковых омонимов и паронимов, вызвано их значительной формальной и содержательной близостью, обусловленной их происхождением от общего этимона. Таким образом, от других межъязыковых соответствий омонимичного характера их также отличает тот факт, что все они представлены когнатами.

Все виды межъязыковых соответствий омонимичного характера объединяет то обстоятельство, что они практически в одинаковой степени могут представлять трудности из-за своей способности вызывать лексическую интерференцию. Близость славянских языков, с одной стороны, облегчает понимание и общение (в результате положительной интерференции), а с другой – увеличивает риск возникновения отрицательной интерференции при встрече с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера. Межъязыковые соответствия омонимичного характера из-за сходства в ПВ, по аналогии с межъязыковыми синонимами сходного вида, представляются билингову точно также сходными как в ПВ, так и в ПС.

В целом можно выделить два главных уровня нарушений, вызванных межъязыковыми соответствиями омонимичного характера: 1) нарушения на уровне языковой картины мира и 2) нарушения на уровне собственно языковой системы (нарушения лексической, стилистической и отчасти грамматической сочетаемости).

Межъязыковые соответствия омонимичного характера – это одна из распространенных причин ошибок в переводческих текстах. К. Чуковский приводит примеры неправильного перевода стихов Т.Г. Шевченко, сделанного Ф. Сологубом, и отмечает, что особая трудность заключается в том, что “в украинском языке сплошь и рядом встречаются

как-будто те же самые слова, что и в русском, но значат они другое”. Например, строку “*Пішла луна гаєм*” Ф. Сологуб переводит как “*Пошла луна лесом*”, в то время как украинское слово “луна” означает ‘эхо, отзвук’, а “*пішла луна*” должно переводиться как “покатилось эхо” [Чуковский 2001: 330].

Отдельно следует отметить стилистические ошибки, то есть неоправданное употребление эмоционально-окрашенных и стилистически маркированных средств, например: Т.Г. Шевченко говорит в одном из стихотворений, что он хотел бы умереть “*хоч на малесенькій горі*”. Переводчик перевел “*малесенький*” словом “*малюсенький*”, что неверно, “потому что слово “*малюсенький*” – мармеладное, жеманное слово, а “*малесенький*” – народное, лишенное приторности” [Чуковский 2001: 340].

В условиях языкового прямого или опосредованного контакта многочисленные факты подобных нарушений языковых норм могут стать ассоциативной нормой и повлечь за собой заимствование отдельных значений или слов (семантическое заимствование и семантическое калькирование). Поэтому, среди лексических заимствований мы предлагаем различать неинтерференционные и интерференционные заимствования (возникающие в результате переноса свойств одного элемента на другой и закрепленные со временем как языковая норма).

Выделяются две основных модели интерференционных заимствований (семантическое калькирование и собственно лексическое заимствование), которые находятся в тесной зависимости от вызывающих их видов межъязыковых соответствий омонимичного характера. Так, семантическое интерференционное заимствование вызывается межъязыковыми соответствиями омонимичного характера с семантическими отношениями исключения, например, русск. *Мексика* ‘Мексика (страна)’, в болг. омонимия *Мексико*¹ ‘Мексика (страна)’ и *Мексико*² ‘Мехико (столица Мексики)’ (кроме того, возникновение внутриязыковой / межъязыковой омонимии, возможно также связано с метонимией – территориальной близостью денотатов). Причиной же интерференционного семантического калькирования могут стать межъязыковые соответствия омонимичного характера частично сходные в ПС с семантическими отношениями включения, пересечения. Например: в чеш. *tovaruľ* ‘(истор.) подмастерье’, ср. с бел. значением слова *таварыш* ‘друг, товарищ’, (устар.) ‘помощник, заместитель’, которое, вероятно, развилось под влиянием русск. *товарищ* ‘1) коллега, друг, соратник, компаньон, 2) (устар.) обращение, распространенное среди граждан социалистического общества, 3) (устар.) помощник, заместитель (в наименованиях некоторых

званий и должностей Российского государства до 1917 г.)’ – здесь мы имеем одновременное добавление и переструктуризацию значений. Исследование показало, что семантическое калькирование является самым продуктивным способом словообразования, связанным с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, в славянских языках, следовательно, именно несовпадение семантических объемов слов является основной причиной возникновения лексической интерференции.

На основании изучения характера межъязыковой лексической интерференции мы можем говорить об аналогии как об одном из ведущих внутренних законов развития языков, так как рассмотренные нами интерференционные лексические заимствования тесно связаны с принципом аналогии, когда новое создается по образцу старого. Использование уже готового звукового комплекса также связано с принципом экономии в системе звуковых оболочек, когда язык, испытывая прагматическую потребность в наименовании новых понятий, стремится “нагрузить” значениями уже существующие в нем звуковые комплексы. Кроме того, исследование межъязыковых соответствий омонимичного характера, восходящих к одному этимону, еще раз подтвердило, что фонетическая структура слов является более устойчивым языковым стандартом, так как основные изменения в рассмотренных примерах претерпел план содержания.

Лексическая интерференция не единственная причина изменения семантической структуры слов, однако, можно все-таки предположить, что определенная часть лексем близкородственных языков перестроила свою семантическую структуру не просто вследствие обычного развития значений, а под влиянием слов других языков, то есть в результате прямых и опосредованных языковых контактов. В лексической интерференции, вызванной межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, можно видеть проявление синергетического феномена. Таким образом, изучение межъязыковых соответствий омонимичного характера, а также вызываемой ими лексической интерференции, в современных условиях роста языковых контактов, представляет особый интерес для лингвоэкологии и социолингвистики. Для предотвращения интерференционных ошибок в устной и письменной речи создаются специализированные антиинтерференционные словари “ложных друзей переводчика” (включающие все виды межъязыковых соответствий омонимичного характера) с подробным описанием значений таких слов в сопоставляемых языках и правил их употребления.

Лексическая интерференция, вызываемая межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, сегодня наиболее часто встречается

ся в сфере научно-технической и общественно-политической терминологии, где, в связи с процессами глобализации и международной стандартизации, наблюдается активное выравнивание асимметрии между ПВ и ПС. Большинство слов интернационализмов получает новое значение вместе с научно-техническим прогрессом и развитием социально-экономических отношений. Сначала новое значение появляется в одном языке, а затем в результате интерференционного калькирования распространяется в другие языки, например: русск. слово *мобильный*² ‘1) способный быстро передвигаться, перемещаться, подвижный, 2) способный быстро ориентироваться в обстановке, быстро выполнять какие-либо задания’ недавно привело к заимствованию слова омонима – русск. *мобильный*¹ ‘аппарат, используемый для мобильной связи, мобильный телефон’. Оба значения восходят к лат. *mobilis* от *movēre* ‘двигаться’. В английском, до изобретения телефонных аппаратов, поддерживающих сотовую связь, этот интернационализм имел близкое к русск. *мобильный*² значение. Новое значение ‘(разг.) мобильный, сотовый (телефон), мобильник’ появилось сперва в английском языке и затем вместе с распространением сотовой связи проникло в другие языки. Поэтому особенно актуальным на сегодняшний день нам представляется составление словарей-списков терминов (для удобства использования разделенных по сферам употребления), которые включали бы межъязыковые соответствия омонимичного характера с указанием как лингвистических, так и экстралингвистических различий.

Для правильного понимания роли любых языковых изменений язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), а как созидающий процесс (*Erzeugung*) [Гумбольдт 1984: 51–162]. Следовательно, межъязыковые соответствия омонимичного характера, должны рассматриваться с двух позиций: не только как источник отрицательного интерференционного материала и как объект экологии языка, но также как один из факторов, способствующих обогащению лексического фонда славянских языков новыми словами (в том числе точными терминами) и морфемами.

Исследование представляется полезным и для лингводидактики, так как проблема преподавания иностранных языков сегодня не менее актуальна. Каждый преподаватель иностранного языка знает, и каждый изучающий иностранный язык рано или поздно обнаруживает, что родной язык мешает усвоению второго языка. Традиционное методическое предписание, советует при овладении чужим языком опираться на навыки родного языка, и, используя “то же”, осваивать “не то же”. “Поиски “соблазнительных тожеств” своего и чужого – самый опасный путь при

овладении чужим языком. Эти “соблазнительные тожества” всегда провокационные, что неизбежно приводит к акценту, а акцент может проявляться не только в фонетике, но и в грамматике, и в лексике. Особенно это касается близкородственных языков, где такие “соблазны” попадают в избытке” [Реформатский 1987]. Результаты данного исследования позволят более эффективно организовать процесс обучения и могут быть использованы при составлении методик обучения славянским языкам, в лекционных курсах по сопоставительному языкознанию, переводоведению и лексикологии, в практической лексикографии.

Подытоживая различные оценочные суждения о межъязыковой омонимии и других соответствиях омонимичного характера, можно сделать следующее заключение: омонимия в самом широком понимании, воплощая в себе противоречивые тенденции к дифференциации и интеграции, является стимулом и одним из источников обновления словаря. В диахронии межъязыковые соответствия омонимичного характера представляют собой бесспорно позитивное явление, так как межъязыковая лексическая интерференция, связанная с ними, став языковой нормой, ведет к обогащению лексического фонда. В синхронии межъязыковые соответствия омонимичного характера могут расцениваться по-разному, но чаще они представляют собой определенного рода помехи, так как приводят к интерференционным ошибкам в воспроизведении или понимании речи.

Дальнейшая разработка проблемы славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера предполагает анализ данных категорий не только на синхронном срезе, но и в связи с более детализированной диахронией. Это позволит выявить причины, условия возникновения и закономерности развития славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера. Особый интерес представляет дополнительное изучение, главным образом, тех межъязыковых омонимов, паронимов и квазисинонимов, которые восходят к одному праславянскому корню (этимону). Различия по прагматическому значению межъязыковых квазисинонимов и паронимов являются наиболее значительными в количественном отношении и могут также составить предмет самостоятельного изучения.

Необходимость дальнейшего всестороннего исследования явлений межъязыковых соответствий омонимичного характера диктуется, таким образом, как теоретическими задачами, связанными с установлением типологических различий славянских языков, так и задачами практическими, имеющими выход в методики обучения, перевода и составления словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Kæssler 1999 – *Kæssler M., Derocquigny J.* Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais, Paris, 1928.

Акуленко 1969 – *Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л.* Англо-русский и русско-английский словарь “ложных друзей переводчика”. М., 1969.

Балалыкина 1991 – *Балалыкина Э.А.* Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном изучении русского языка // Русский язык за рубежом. 1991, № 3.

Баранникова 1972 – *Баранникова Л.В.* Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Бельчиков 1990 – *Бельчиков Ю.А.* Паронимия. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Блумфилд 1968 – *Блумфилд Л.* Язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1968.

Борисенко 1990 – *Борисенко Н.А.* Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспект). Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Киев, 1990.

Будагов 1974 – *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М., 1974.

Будагов 1975 – *Будагов Р.А.* Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения. Типология сходств и различий. Кишинев: Штиница, 1975.

Вайнрайх 1979 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.

Гальперин 1970 – *Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка. М., 1970.

Гросбарт 1962 – *Гросбарт З.* О русских и польских словах, близких по звучанию разных по значению (“межъязыковые омонимы”) // Материалы третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1962.

Гумбольдт В. фон. 1984 – *В. фон Гумбольдт.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Дубичинский 1992 – *Дубичинский В.В.* Лексические параллели в лексикографической практике // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992.

Заславская 1992 – *Заславская Н.В.* К проблеме создания словаря межъязыковых омонимов (на материале русского и украинского языков) // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992.

Коломиец 1976 – *Коломиец О.В.* Французско-украинские лексические параллели. Автореферат на соискание степени кандидата филологических наук. Киев, 1976.

Конецкая 1961 – *Конецкая В.П.* Характеристика лексических омонимов – слов, генетически связанных, и пути их образования в английском языке // Исследования по английской лексикологии. М., 1961.

Кочерган 1991 – *Кочерган М.П.* Краткий словарь русско-украинских межъязыковых омонимов // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1991, № 7.

Ладо 1989 – *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике XXV, 1989.

Малаховский 1990 – *Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. Ленинград, 1990.

Реформатский 1987 – *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Селиванов 1976 – *Селиванов Г.А.* Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) // Вопросы русского и славянского языкознания. Иваново, 1976.

Супрун 1958 – *Супрун А.Е.* Ответ на вопрос: каковы типы лексических омонимов в системе славянских языков (общее для всех славянских языков, индивидуальное) // Сборник ответов на вопросы по языкознанию: к IV международному съезду славистов. М., 1958.

Уилер 1977 – *Уилер М.* Лингвострановедение и лексика // Русский язык за рубежом. Часть 2. М., 1977.

Федоров 1968 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1968.

Федорчук 2001 – *Федорчук Е.В.* Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках // Библиотека диссертаций. Дата создания оригинала документа: 11 мая 2003. Адрес: <http://disser.h10.ru/dis/glav1.html>; Интернет.

Червенкова 1982 – *Червенкова И.В.* О сопоставительном описании русской и болгарской лексики // Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков: Фонетика и лексика. С.: Наука и искусство, 1982.

Чуковский 2001 – *Чуковский К.*, Высокое искусство. Собрание сочинений в 15 томах, том 3, М., Терра - Книжный клуб, 2001.